

Путешествие по восточным землям
(на материале письменных источников эпохи Нара и
Хэйан)

А. С. Оськина
(НИУ ВШЭ, ИВ РАН)

Дорога – значимая пространственная категория для любой литературы. Дорога – это всегда движение, слияние пространства и времени. Поэтому в литературе в образ дороги вкладываются различные смыслы: мифологические, религиозные, социальные. Путешествие по дороге Токайдо явилось важной темой в японской средневековой литературе, оказав влияние и на японскую культуру в целом. В данной статье прослеживается предыстория путешествия по Токайдо – путешествие по восточным землям, по тем землям, которые лежали к востоку от столицы Нара, а затем Хэйан.

Японский архипелаг представляет собой узкую гряду островов, вытянутую в направлении с северо-востока на юго-запад, что обеспечивает сильно различающиеся между собой климатические и экологические условия обитания населения для разных регионов этой страны. Ярко выраженная смена времен года, а также ассоциации природных явлений с конкретными сезонами нашли свое отражение в ранней японской литературе эпох Нара (710-794 гг.) и Хэйан (794-1192 гг.).

По преимуществу оседлый образ жизни японцев предопределил особое отношение к топониму: в литературе очень рано начинают упоминаться названия места действия, описания гор, рек, полей. Эта особенность легла в основу особого приема в поэзии

и прозе, а именно – *ута-макура* (歌枕, слова-подушки). *Ута-макура* - категория, которая включает в себя огромное количество географических названий, в том числе известных мест *мэйсё* (名所).

Уже в середине эпохи Хэйан появляются первые сборники *ута-макура*. Самым известным из них считается сборник монаха-поэта Ноина (988-1050?) «Ноин ута-макура» (能因歌枕). Топонимы-утамакура ассоциативно связаны с мифами, вошедших в «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), с песнями из первой поэтической антологии «Манъёсю» (VIII век), с текстом «Исэ моногатари» («Повести из Исэ», X век), написанной в жанре *ута-моногатари*.

В данной работе рассматривается проблема путешествий по восточным землям на основе письменных источников эпох Нара и Хэйан. Исследование ограничено именно восточными землями, поскольку именно восточное направление от столицы Хэйан до будущей ставки сёгуна в Камакура, а затем до новой столицы Эдо, станет наиболее популярным и значимым маршрутом в последующие эпохи.

Целью работы является проследить преемственность описания одних и тех же географических объектов в различных текстах: мифе, ранней поэзии, художественной прозе, - а также очертить реальные условия путешествия, во время которого можно было увидеть данные географические объекты.

Исследование основано на следующих источниках: мифолого-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки», антология «Манъёсю», повесть «Исэ моногатари», дневник «Сарасина никки»,

законодательные своды «Тайхорё» (702-718 гг.) и «Ёрорицурё» (715-757 гг.)

В работе также использована статья японского исследователя Исида Ёсисада¹, комментатора путевых дневников эпохи Камакура, посвященная путешествиям по тракту Токайдо, пролежавшему к востоку от столицы, и к моменту образования столицы в Камакура в XII веке ставшей одной из самых важных дорог в Японии.

Дорожная инфраструктура

Еще в VII веке в правление императрицы Суйко было проложено несколько прямых дорог. Знаменательным в плане строительства дорог считается «Манифест Тайка» 646 года, который мы находим в «Нихон сёки»:

«[646 г.] 2-й год, весна, 1-я луна, 1-й день. После окончания новогодней церемонии поздравления был провозглашен указ о реформах:

Впервые построить столицу. Во внутренних провинциях учредить управителей провинций, управителей уездов, заставы, дозорные посты, пограничную стражу, конюшенные дворы и станции с лошадьми, изготовить колокольчики, привести в порядок горы и реки»².

«Манифест Тайка» (645-649) является первым документальным описанием территории правителей Ямато, которая сейчас известна как Кинай (Гокинай, 五畿内). В VIII в. она включала

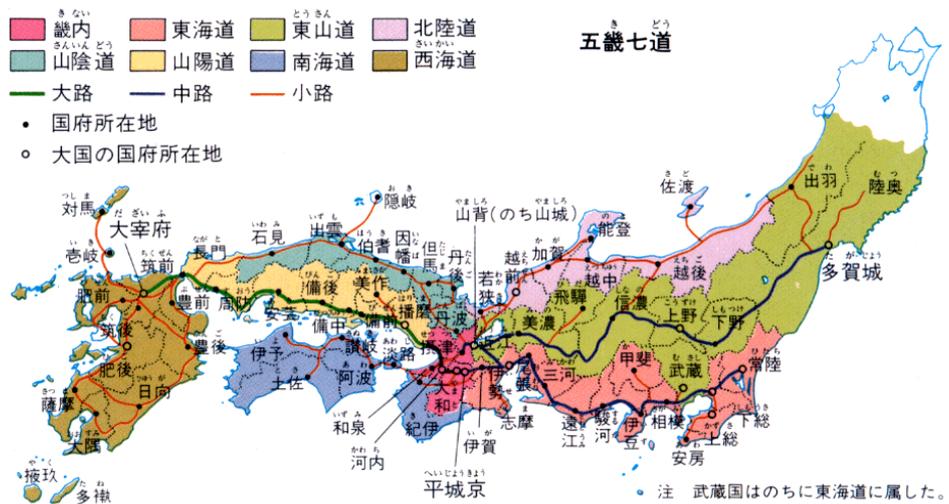
---

¹ 『日本古典全書：「海道記・東関紀行」「十六夜日記」』玉井幸助校注、石田吉貞校注、東京：朝日新聞社、1956.

² Нихон сёки, 1997. – Стр. 148.

пять провинций: Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзуми и Цу (Сэтцу), во второй половине XIX в. вошедших в префектуры: Киото, Нара, Осака, Хёго.

В VIII веке было проложено семь так называемых «государственных дорог», соединявших столицу Нара с основными регионами и служивших в качестве их границ. Дорога Токайдо проходила вдоль берега Тихого океана от столицы через провинцию Хитати до провинции Муцу, где она соединялась с Тосандо. Дорога Тосандо проходила по центру Хонсю от столицы до провинции Муцу и Дэва. Дорога Хокурикудо проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Этиго. Дорога Санъиндо проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Нагато. Дорога Санъёдо проходила по побережью Хонсю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, от столицы до провинции Нагато. Дорога Нанкайдо проходила от столицы до Авадзи и затем по берегу Сикоку, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря с ответвлениями во все четыре расположенных там провинции и Сайкайдо – проходила по провинциям острова Кюсю.

Источник: <http://www.catv296.ne.jp/~sensyo/gokisichidou.htm>

Исходя из важности дорог, они были ранжированы как «большие», «средние» и «малые». Статус большой имела только дорога Санъёдо – поскольку Кюсю был основным источником информации с материка.

А. Н. Мещеряков и М. В. Грачев отмечают, что «в VIII веке планомерное строительство дорожной сети было начато не ввиду экономической потребности в ней периферии, но поскольку они были нужны прежде всего центру – исходя из соображений престижности, управленческих и военных нужд»³. Таким образом, высокий статус столицы подчеркивался наличием ведущих к ней дорог, которые в эпоху Нара достигали ширины до 23 метров.

Первые упоминания о восточных землях

Описание восточных земель и их жителей впервые встречаются в «Нихон сёки». От столицы Нара на восток к провинциям вели две дороги: проходившая через горы Тосандо (東山道, «Путь по восточным горам») и простиравшаяся вдоль моря Токайдо (東海道, «Путь вдоль восточного моря»). Если говорить о Токайдо, то этот путь охватывал 15 провинций: от Исэ до Хитати. В древние времена это были земли *эмиси*, северо-восточных варваров, с которыми, уже по данным мифолого-летописного свода «Кодзики», у японцев происходили столкновения. Комментаторы «Кодзики» отмечают, что традиционно предполагается, что речь идет о предках нынешних *айну*, однако некоторые исследователи считают, что «со времен Дзёмон предки нынешних японцев и *айну* селились отдельно друг от друга, были разделены морским проливом и течениями,

---

³ История древней Японии, 2010. – Стр.346.

поэтому речь в данном случае идет не об *айну*, а об одной из групп японских племен, не подчинявшихся центральному правлению и по этой причине названной *эбису* («чужаки»)⁴. Как бы то ни было, дорога Токайдо вела в сторону вражеских земель непокорных *айнов*, которых даже в последующие эпохи называли *адзума эбису* (восточные эбису), считая их обычаи варварскими.

Именно против айнов посылает своего сына Ямато-такэру (72? – 113? гг.) 12-й император Японии Кэйко (годы правления 71-130 гг.). При описании этого похода в «Нихон сёки» впервые упоминается поход на восток.

Молодой сын императора, полное имя которого Ямато-такэру-но микото, уже прославился своими подвигами, покорив племена *кумасо* и усмирив западные земли. Однако отец снова обращается к нему за помощью и просит отправиться на усмирение «восточных диких племен»⁵:

«Взял тогда государь секиру и вручил Ямато-такэру-но микото, рекши: “Насколько я слышал, эти восточные дикари неистовы по характеру своему и нападают внезапно. В их деревнях нет старост, в больших селах нет глав. Все они живут замкнутым миром, и все промышляют разбоем. Кроме того, в горах есть дурные божества, а в полях вредоносные демоны. Они чинят помехи на перекрестьях дорог, преграждают пути, всячески терзают людей. Среди восточных дикарей самые сильные - эмиси. Мужчины и женщины у них соединяются беспорядочно, кто отец, кто сын — не различается. Зимой они живут в пещерах, летом - в гнездах [на деревьях]. Носят

---

⁴ Кодзики, 1994. - Стр. 126.

⁵ Нихон сёки, т. 1, 1997. - Стр. 246.

звериные шкуры, пьют сырую кровь, старший и младший брат друг другу не доверяют. В горы они взбираются подобно птицам, по траве мчатся, как дикие звери. Добро забывают, но если им вред причинить — непременно отомстят. Еще - спрятав стрелы в волосах и привязав клинок под одеждой, они, собравшись гурьбой соплеменников, нарушают границы, или же, разведав, где поля и шелковица, грабят народ страны [Ямато]. Если на них нападают, они скрываются в траве, если преследуют - взбираются в горы. Издревле и поныне они не подчиняются владыкам [Ямато]. Вот, смотрю я на тебя, что ты за человек, [и вижу] — ростом и телом ты могуч, обликом прекрасен. Силой велик, трехногий чан поднимаешь, доблесть твоя [разит врагов], как гром и молния. Там, куда ты лицом обращаешься, [врагу] места нет, если нападаешь, то непременно побеждаешь. Поэтому понятно, что хотя обликом ты мой сын, но на самом деле - бог-человек. Воистину, не означает ли это, что Небо сожалеет о том, что я не разумен, а страна не усмирена, и желает оно помочь, чтобы наследные деяния вершились и впредь и чтобы дом владык страны не прекратил существования. И еще: эта Поднебесная - твоя. Ты - мой наследник. Прошу тебя - вглубь планы строй, вдаль мыслью лети, разведай, где беспокойно, узнай, где супротивники; когда будешь им острастку давать, примени угрозы, когда будешь миловать, примени добродетель, оружия не используя, заставь их самих подчиниться. И успокой буйных богов, искусную речь произнеся, изгони злобных демонов, оружием потрясая", - так рек»⁶.

---

⁶ Нихон сёки, т. 1, 1997. - Стр. 246-247.

он все вражеское племя выжег [яп. яки] и извел. Потому и назвали то место Якиту»⁷.

Расправившись со своими недругами, Ямато-такэру двинулся дальше в путь и дошел до Сагами (совр. преф. Канагава). Отсюда он решил переправиться на судне в провинцию Кадзуса (центральная часть совр. преф. Тиба). Море казалось таким маленьким, что Ямато-такэро сказал, что через него можно перепрыгнуть [яп. пасири]. Но когда они плыли, поднялась сильная буря, и его верная наложница по имени Ото-татибана-химэ принесла себя в жертву богу моря Ватацуми, после чего буря стихла. «Потому люди того времени и нарекли то море Пасири-миду, Прыгучая Вода»⁸.

Ямато-такэру изменил свой путь и направился напрямиком к границам эмиси. Его морской путь пролегал через провинции Ава (южная часть совр. преф. Тиба), Кадзуса, Симоса (северная часть совр. преф. Тиба), предположительно, вдоль внешнего берега полуострова. Ямато-такэру пересек бухту Тама-но ура в провинции Хитати (совр. преф. Ибараки) и подошел к границам эмиси. Завидев издали ладью Ямато Такэси, эмиси устрешились его мощи и поняли, что им не победить. А потому они побросали свои луки и стрелы в воду и покорились Ямато-такэру.

Усмирив эмиси Ямато-такэру отправился в обратный путь, прошел по суше в юго-западную сторону, дошел до страны Капи-но куни (совр. преф. Яманаси) и остановился во дворце, где за трапезой в окружении своих приближенных сложил такую песню:

«Сколько ночей провел я [в пути],

---

⁷ Нихон сёки, 1997. – Стр. 248.

⁸ Нихон сёки, т. 1, 1997. - Стр. 248.

Нипибари (新治)

И Цукуба (筑波) пройдя»⁹

Обратный путь по данным летописи начинался в стране Хидака-но куни (современный г. Сэндай) и пролегал там, где позже был проложен тракт Тосандо. Ямато-такэру отправился на юго-запад и дошел до страны Каи (совр. преф. Яманаси), где некоторое время пребывал во дворце.

И вот однажды Ямато-такэру сказал: «Все злокозненные эмиси повинились. Лишь в стране Синано-но куни (совр. преф. Нагано) и Коси-но куни (прибрежные территории, выходящие к Японскому морю, от совр. преф. Фукуи до преф. Ниигата) кое-кто еще не покорился»¹⁰. И отправился в поход из Каи на север Мусаси (совр. преф. Сайтама) и Кодзукэ (совр. преф. Гумма).

Во время этого перехода он вспоминает свою жену Ототатибана-но пимэ, которая погибла во время бури. «Поднялся он по склону горного пика Усупи-но минэ, устремил взгляд на юго-восток, трижды вздохнул и сказал: “О, жена моя [яп. адума]!” Поэтому все земли к востоку от горы назвали провинцией Адума.

Здесь он расстается со своим другом и один переходит через неприступные горы Синано. В провинции Мино он снова воссоединяется с другом и вдвоем они возвращаются в Овари, где Ямато-такэру женится на Мидзу-химэ, дочери местного правителя. Узнав, что на горе Ибуки-но яма в провинции Оми (совр. преф. Сига) живет злокозненное божество, Ямато-такэру отправляется туда. Он намеренно оставил меч жене, уверенный в том, что

---

⁹ Нихон сёки, т. 1, 1997. - Стр. 249.

¹⁰ Нихон сёки, т. 1, 1997. - Стр. 249.

справится с божеством голыми руками. Однако Ямато-такэру не распознал божества в белой змее и не убил его. Божество же наслало непогоду, а изможденный Ямато-такэру потерял силы и разум. С трудом добрался он назад до Овари и, не заходя в дом Мидзу-химэ, оправился в Исэ. В дороге он сильно занедужил и скончался на поле Нобоно в Исэ. Было ему тогда 30 лет.

Во времена, описываемые в «Нихон сёки» не было ни лошадей, ни повозок. Нельзя говорить и о существовании хоть какой-нибудь дороги, которая связывала столицу с далекими землями на востоке. «Нихон сёки» повествует о временах мифологических. Но уже в этом источнике поражает количество упомянутых топонимов: это названия провинций, храмов, гор, гаваней, бухт, морей. При этом объясняются этимологии некоторых из них, например, места под названием Якиту или моря Пасири-миду. В эпизоде путешествия Ямато-такэру упоминаются также поле Нибари, гора Цукуба, восточные земли Адума (в совр. орфографии Адзума), которые можно встретить в другом источнике – антологии «Манъёсю». Эти и другие топонимы будут передаваться из эпохи в эпоху именно благодаря причастности к древнейшим мифам, описанным в «Нихон сёки».

Восточные земли в антологии «Манъёсю»

Интерес к восточным землям прослеживается в художественной литературе уже с VIII века – в первом стихотворном сборнике «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»). В антологии собраны стихотворения около 500 авторов, от правителей до рыбаков и землепашцев. В. Н. Горегляд отмечает, что «широта географического и социального охвата, тематического содержания,

жанрового состава и функционального назначения отличает это собрание от современных ему и более поздних антологий»¹¹.

Из 4516 песен 230 объединены в 14-ю книгу, озаглавленную как «Адзума-ута» - «Песни восточных провинций». При этом отдельно собраны песни каждой из провинций восточных земель: Камицуфуса (Кадзуса), Симоцуфуса (Симоса), Хитати, Синану (Синано), Тотоми, Суруга, Идзду, Сагами, Мусаси, Кодзукэ, Симодзукэ, Митиноку (Муцу).

В «Манъёсю» можно найти упоминания топонимов, встречавшихся нам в мифе о Ямато-такэру. Помимо, непосредственно восточных земель Адзума, есть можно найти песни о горе Цукуба и поле Нипибари (в совр. орфографии Ниихари или Ниибари):

1757

Песня, сложенная при восхождении на гору Цукуба

---

¹¹ Японская литература VIII-XVI вв., 2001. – Стр. 61.

«Если б мог я усмирить
Горькую тоску в пути,
Где зеленая трава
Изголовьем служит мне!» —
Так подумав, в тот же день
На Цукуба я взошел.
И когда взглянул я вниз,
То увидел пред собой,
Как в долине Сидзуку
С белоснежных обана
Облетают лепестки,
Крики громкие гусей
Стали холодом звучать,
И на озере Тоба,

В Ниихари,
Поднялась
От осенних ветров вдруг
В пене белая волна...
И когда я посмотрел
С высоты Цукуба, здесь,
Вдаль на эту красоту,
Грусть, что мучила меня,
Что росла в душе моей
Много долгих дней в пути,—
Вмиг утихла и прошла!

(Пер. А. Е. Глускиной)

Есть в «Манъёсю» и упоминания горы Фудзи. И этот топоним также отсылает нас к «Нихон сёки», где упоминается, как император Кэйко перешел гору Пуди-яма, обозрел Апа-но саки в южной стороне и рек: «“Здесь громоздится множество горных пиков, и вид этот прекрасен”»¹². О прекрасной горе Фудзи в антологии можно найти 11 песен. Уже во времена «Манъёсю» складывается определенный и довольно устойчивый образ Фудзи, главными литературно-поэтическими атрибутами которой, как отмечает А. Н. Мещеряков, были дымок, поднимающийся с вершины, и снег.

Переводчик «Манъёсю» А. Е. Глускина пишет о том, что в антологии «мы наблюдаем становление специфических литературных приемов, вошедших впоследствии в традиционный

---

¹² Нихон сёки, 1997. – Стр. 243.

канон»¹³. Одним из них можно назвать *макура-котоба* - буквально «слова-подушки» или «слова-изголовья» - постоянные эпитеты. Эти слова обычно не несут сюжетного смысла, они призваны создать какой-нибудь образ. А. Е. Глускина пишет, что «этот архаический прием в лапидарной форме воссоздает картину природы, быта, обряда, дает характеристику местности, ибо несет след окаменевшей связи, подсказанной закономерно повторяющимися явлениями жизни, исторической традицией, мифологическими представлениями»¹⁴.

Мы не можем знать, были ли в действительности поэты «Манъёсю» в тех местах, что описаны ими в песнях, но дальнейшая литература покажет нам, что упоминание того или иного топонима в стихотворении, далеко не всегда означает то, что автор там побывал.

Путешествия по Токайдо в эпоху Хэйан

Литература периода Хэйан была литературой аристократической. В эту эпоху «столица мира и спокойствия» являлась центром притяжения, центром культурной, общественной, политической и экономической жизни. Отъезд из столицы всегда воспринимался как трагедия, путешествие из столицы было наполнено тоской об оставленных там дорогих людях и горькими воспоминаниями. Приезд же, напротив, был долгожданным событием, а для кого-то даже заветной мечтой. Таким образом, можно говорить о двух основных направлениях путешествий: из столицу и в столицу. С этой точки зрения показательны два произведения хэйанской литературы: повесть «Исэ моногатари» и дневник «Сарасина никки».

---

¹³ Манъёсю. Избранное, 1987. - Стр. 8.

¹⁴ Манъёсю. Избранное, 1987. - Стр. 9.

«Исэ моногатари» - сочинение, появившееся в 920-е годы. Ни автор, ни составитель не известны, однако издавна существует предположение о том, что за главным персонажем скрывается известный поэт и аристократ Аривара-но Нарихира (825-880). «Исэ моногатари» относится к жанру *ута-моногатари* – прозопоэтическому жанру, в котором сюжетный рассказ вводит стихотворение. Произведения *ута-моногатари* состоят из отрывков, каждый из которых содержит одно или несколько стихотворений.

В 9-й главе повести (в русском переводе соответствует 8-й главе) главный герой «стал думать, что больше он не нужен никому, и, сказав себе: “Не буду больше в столице я, пойду искать такое место, где мог бы жить”, - уехал»¹⁵.

Затем идет описание остановки героя со своими путниками в провинции Микава. Следующая остановка ждала их в провинции Суруга (совр. Сидзуока). Здесь они встречают подвижника. Как отмечает Н. И. Конрад в комментарии к повести, «этот подвижник, надо думать, был жителем столицы и принадлежал раньше к тому же кругу, что и герои «Исэ». В те времена бывали случаи удаления в отшельничество с целью предаваться духовному и магическому деянию»¹⁶. Здесь же внимание путников привлекает также гора Фудзи, глядя на которую главный герой не может не сложить стихотворение:

О ты, гора,
не знающая времени, пик Фудзи.
Что за пора, по-твоему, теперь,

---

¹⁵ Исэ моногатари, 1979. - Стр. 46.

¹⁶ Исэ моногатари, 1979. - Стр. 131.

что снег лежит, как шкура
пятнистая оленя, на тебе?¹⁷

Наконец, они достигают провинции Мусаси (совр. Токио и Сайтама). В повести говорится, что они подошли к реке Сумида, которая и до сегодняшнего дня сохранила свое название.

На протяжении всего путешествия главный герой и его спутники скучают по столице, слагают стихи об оставленных возлюбленных.

О путешествии с востока в столицу рассказывает дочь Сугавара-но Такасуэ в дневнике «Одинокая луна в Сарасина» («Сарасина-никки», XI век).

«Девочка, выросшая в тех дальних краях, где «кончается дорога на Восток», и даже еще дальше – какой же, наверное, я была дикаркой!»¹⁸ - так начинает свой дневник «благородная госпожа». В комментариях И. В. Мельникова поясняет, что «“дорога на Восток” (буквально “дорога в край Адзума”, как называли восточные провинции) вела из столицы Хэйан в провинцию Хитати, а провинция Кадзуса, в которой прошли детские годы героини, расположена южнее Хитати, на территории современной префектуры Тиба. Отец автора дневника – Сугавара-но Такасуэ – получил должность наместника в первый раз в провинции Кадзуса (совр. Тиба), а второй раз – в Хитати (совр. Ибараки). В эпоху Нара «провинции, в зависимости от количества населения, общей площади и стратегической значимости, делились на большие,

---

¹⁷ Исэ моногатари, 1979. - Стр. 47.

¹⁸ Японские средневековые дневники, 2001. Стр. 486.

верхние, средние, нижние»¹⁹. Провинции Кадзуса и Хитати относились к большим, но находились очень далеко от столицы, а потому назначение на службу в эти земли не было завидным.

Путь в столицу из Кадзуса занял почти три месяца – даты отъезда и приезда обозначены в дневнике, можно рассчитать и время некоторых переходов. И. В. Мельникова пишет, что этот дневник скорее можно отнести к мемуарам, поскольку они были написаны немолодой уже женщиной, и представляют собой воспоминания о детстве, замужестве, детях, придворной службе и паломничестве в отдаленные храмы. Поражает, какой памятью должна была обладать эта женщина, чтобы в таких деталях помнить путешествие, совершенное в детстве: как много точных дат и географических названий использовано при описании переезда в столицу. Однако, как утверждает переводчик, в аристократических семьях «существовали семейные и личные собрания стихов, в которых фиксировали обстоятельства появления того или иного пятистишия, поэтический отклик адресата, иногда оценки окружающих»²⁰. Очевидно, что у Дочери Такасуэ тоже хранились такие записи, которые помогли ей вспомнить все подробности своей жизни.

Примечательно, что в «Сарасина никки» имеются отсылки к «Исэ моногатари». Дочь Такасуэ, пересекая реку Асуда, замечает: «Это здесь, на переправе, пятый “тюдзё” Аривара сложил: “Спросил бы я у птиц столицы...” Только в семейном сборнике стихов Нарихира река названа Сумида»²¹. Еще один фрагмент, который вспоминает героиня дневника из «Исэ моногатари»: «Вот достигли они провинции Микава, того места, что зовут “восемь мостов”».

---

¹⁹ Провинциальное управление в период Нара, 2008. – Стр. 35.

²⁰ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 473.

²¹ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 491.

Зовут то место “восемь мостов”, потому, что воды, как лапки паука, текут отдельно, и восемь бревен перекинута через них; вот и называют оттого “восемь мостов“»²². После чего путники увидели цветы лилий во всей красе, и один из них сложил стихотворение. Вспоминая этот отрывок, Дочь Такасуэ пишет: «Яцухаси, “восемь мостов”, как оказалось всего лишь название места, там нет ничего похожего на мосты, да и вообще не на что смотреть»²³. В том, что автора не впечатлило это место, нет ничего удивительного, ведь ее путешествие пришлось на самый разгар зимы, когда ни цветов, ни полноводных рек, ни перекинутых через них бревен увидеть нельзя.

Примечательно так же описание горы Фудзи глазами провинциальной девушки: «В родной моей стране, - пишет дочь Такасуэ, - она видна с западной стороны. Нигде на свете нет больше другой такой горы, как эта. Необычен и силуэт ее, и то, что она словно раскрашена темно-синей краской, а сверху на ней лежат снега, которые не растают вовек. Это выглядит так, словно гора надела лиловое платье и накинула сверху белый кафтан «акомэ». На вершине гора немного срезана, и оттуда поднимается дымок, а вечером мы видели, что там горел и огонь»²⁴.

Как мы видим, автор дневника кроме шаблонных упоминаний о снеге и дымке в подробностях описывает и цвет, и силуэт, что делает ее описание более реалистичным. В отличие от столичных поэтов-аристократов Дочь Такасуэ видит гору своими глазами, поэтому ее описание воспринимается, как правдоподобное. Однако затем автор приводит рассказ одного местного жителя о волшебном свитке со списками губернаторов, приплывшем с верховьев по реке,

---

²² Исэ моногатари, 1979. – Стр. 46.

²³ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 495.

²⁴ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 493.

тем самым возвращаясь к традиции восприятия горы Фудзи волшебной и божественной.

Почтовые станции и гостиницы

Как уже было сказано выше, Ямато-такэру совершил свое путешествие пешком. Когда же начали путешествовать на лошадях до сих пор остается не известно. Первое упоминание о дорожной станции – 路驛 *роэки* - можно найти в «Нихон сёки» в IX свитке. В 250 г. в правление государыни Дзингу (была регентом в 201—269 гг.). В этот год ко двору императрицы приехал Куджо – посланник из Пэкче, которого прислал ван Пэкче «в знак истинности [помыслов]»²⁵. В ответ на его слова государыня изволила распорядиться, чтобы «[к имеющимся станциям] была добавлена крепость Таса, чтобы по пути туда и обратно была застава [с конюшней]».

В годы правления императора Киммэй (годы жизни ? – 539, правил 539-571 гг.) в «Нихон сёки» имеется упоминание о том, как государь слег из-за болезни в то время, когда наследный принц отлучился из города. Тогда «за ним послали гонца на быстром коне»²⁶. Быстрыми конями – 驛馬 *экиба*, *хаима* или *хаюма* – называли почтовых лошадей, которых можно было обменять на специальных станциях.

В 603 году, правление императрицы Суйко (годы жизни 554-628, правила 592-628 гг.) встречаем упоминание конных гонцов – 驛使 *экиси*, которые могли пользоваться услугами почтовых станций, в частности, менять лошадей.

---

²⁵ Нихон сёки, т. I, 1997. - Стр. 281.

²⁶ Нихон сёки, т. II, 1997. - Стр. 68.

Вероятно, что уже в это время для переездов использовали лошадей, однако с уверенностью можно говорить о разветвленной системе почтовых станций и конюшенных дворов после указа о реформах императора Котоку (596?-654, правил 645-654 гг.). В указе значится: «Речем во-вторых. [...] Во внутренних провинциях учредить управителей провинций, управителей уездов, заставы, дозорные посты, пограничную стражу, конюшенные дворы и станции с лошадьми»²⁷.

В своде законов 702 года Тайхорё есть статья о наделах почтовым станциям:

«Наделы для почтовых станций выделять поблизости [почтовой станции в размере]: на большом почтовом тракте (*дайро*) – 4 тё, на среднем почтовом тракте (*тюро*) – 3 тё, на малом почтовом тракте (*сёро*) – 2 тё»²⁸. Как отмечает переводчик и комментатор Тайхорё К. А. Попов: «*Экидэн* – почтовые станции – находились на правительственных дорогах (трактах), ведших из столицы в провинции и обратно. На них содержались лошади (или лодки на переправах) для обслуживания лиц, проезжавших по служебным делам»²⁹.

К большому причислялся только один тракт – Санъёдо, который соединял столицу с Дадзайфу на острове Кюсю. Дадзайфу являлось региональным административным учреждением, руководившим делами провинций острова Кюсю и островами Ики и Цусима, а также отвечавшим за прием иностранных послов с Восточной Азии и заведовавшим прибрежной охраной западных

---

²⁷ Нихон сёки, т. II, 1997. - Стр. 148.

²⁸ Тайхорё, т. I, 1985. - Стр. 98

²⁹ Тайхорё. т. II, 1985. - Стр. 197.

регионов страны³⁰. Статусом средних дорог обладали Тосандо и Такайдо, все остальные дороги было принято считать малыми.

О значимости дорог также свидетельствует статья 12 административного кодекса Тайхорё: «Если на важных дорогах произойдут обвалы [или] размывы и неожиданно прекратится проезд, то независимо от времени года мобилизовать работников и произвести ремонт. Если провинциальное управление не может обеспечить материалами, необходимыми для ремонта, то обращаться с ходатайством в вышестоящие инстанции»³¹.

Согласно «Тайхорё», на почтовых дорогах через каждые 120 км строились почтовые станции, образуя вокруг себя деревню приблизительно в 6 га. Станции назывались *умая* (驛家), и на них содержали почтовых лошадей. Количество лошадей отличалось в зависимости от разряда дороги: на большом тракте на станции содержали около 20 лошадей, на средних – около 10, а на малых – по 5. На станциях содержались не только лошади, но также хранились все необходимое для верховой езды, соломенные плащи и шляпы от дождя, подготовленные в соответствии с количеством лошадей и путников. Кроме того, в каждом уезде были расположены запасные конюшни. Если дело гонца было срочным, то ему предлагались лошади со станции, если же нет, то использовали запасных лошадей похуже. Станции на берегах рек и в заливах морей называли

---

³⁰ Дадзайфу — главное наместничество области Сайкайдо. Ему придавалось важное значение в политике царства Ямато, прежде всего потому, что южная часть о-ва Цукуси была заселена неяпонскими племенами хаято и кумасо, которые хотя и были покорены племенем ямато, но неоднократно восставали. В японской истории отмечено большое восстание хаято в 720 г. [Нихонси, 1957, с. 409]. Кроме того, через гавани о-ва Цукуси и о-вов Ики и Цусима велись внешние сношения с Кореей и Китаем. Главному наместнику были подчинены 11 провинций: Тикудзэн, Тикуго, Будзэн, Бунго, Хидзэн, Хиго, Хюга, Охосуми, Сацума, Ики (остров), Цусима (острова) и 10 наместников (в пров. Тикудзэн, где находилось главное наместничество, отдельного наместника не было). Функции главного наместничества в основном были такие же, как и Государственного совета, но в уменьшенном масштабе.

³¹ Тайхорё. т. II, 1985. - Стр. 94.

водными – *суйэки* (水驛) . На водных станциях вместо лошадей было от двух до четырех судов.

За станциями, конюшнями и пристанями отвечала одна семья, проживающая в данной местности. Такую семью называли *экика* (驛家) – «станционный дом», или *экико* (驛戸) – «станционный двор». Из членов этого дома назначался глава – станционный смотритель *экитэ* (駅長) – зажиточный и наиболее ответственный человек. На станционном дворе мог остановиться только государственный служащий, даже гонцам, выполнявшим частные поручения, было сложно получить ночлег в доме смотрителя.

В «Уголовном и гражданском праве годов Ёро» (養老律令, *ёрорицурё*, составлен в 718 г., введен в силу в 757 г.) есть пункт, который гласит что право останавливаться предоставляется служащим выше 5-го ранга, путешествующим по частным делам и желающим остановиться на станции, такое право предоставляется, также позволяется останавливаться на ночлег служащим самых низких рангов в случае, если поблизости других дворов нет, и невозможно найти иного места для ночлега. Однако в таком случае разрешается предоставить только ночлег и не разрешается предоставить какую-либо поддержку. Это означало, что путнику предлагалась лишь крыша над головой, а о своем пропитании он должен был позаботиться сам.

Исследователь и комментатор средневековых дневников Исида Ёсисада пишет, что такая система касалась даже гонцов, поэтому для простых крестьян дальние путешествия были весьма затруднительны и практически невозможны вплоть до эпохи Камакура. Иногда простые жители были вынуждены совершать

путешествия по 4-5 дней, в таких случаях им приходилось брать всю еду и спальные принадлежности с собой, а приготовление пищи было делом не простым по следующей причине. Если жители замечали, что кто-то по неосторожности разжег костер вблизи их деревни, как правило, они возводили ложные обвинения на этого человека. Исида объясняет это тем, что крестьяне согласно буддийским верованиям считали, что «в очаге нужно сохранить Чистую Землю», то есть всегда поддерживать его в чистоте и порядке. Если же место огня окажется грязным, божество огня пошлет на людей проклятие. Поэтому жители требовали от путника, разжегшего костер, совершить очищение и тем самым искупить свою вину.

Получается, что Аривара-но Нарихира, который был внуком императора, обладал достаточно высоким четвертым младшим рангом, а значит, ему можно было остановиться на станциях, совершая частное путешествие. Однако, в тексте «Исэ-моногатари» мы не находим ни одного упоминания о ночлеге. Зато есть описание того, что путники брали с собой. «У болота в тени деревьев они сошли с коней и стали есть сушеный рис свой»³². Такаи Косукэ пишет о том, что споры по этому вопросу велись еще в XVIII-XIX вв.³³ Так, исследователь Фудзии Таканао (1764-1769), приверженец школы «отечественной науки» - *кокуха*, опровергая своего предшественника Камо-но Мабути (1697-1769), утверждал, что «сушеный рис» - это не то, что путники брали с собой из дома, а то, что подобно обеду в коробке – *обэнто* - можно было купить в дороге. Подтверждением этой теории является то, что уже в «Сёку нихонги» («Продолжении Анналов Японии», 797 г.) говорится об

---

³² Исэ моногатари, 1979. - Стр. 46.

³³ См. Нихонкотэн дзэнсё, 1956. - Стр. 13.

использовании денег в правление императора Гэммэй (661-721), соответственно с эпохи Нара богатым путешественникам не было нужды запастись пропитанием на время путешествия. Однако, такую версию можно оспорить, ведь распространение денег по территории всей страны происходило медленно, и далеко не везде знали об их существовании.

В «Сарасина никки» нет ни одного упоминания о том, чем питались путешественники, зато мы знаем, где им приходилось останавливаться. Как пишет сама автор дневника, «мы все в пути останавливались в незамысловатых временных укрытиях, но туда по крайней мере не задувал ветер, они были обтянуты тканью или ещё чем-то»³⁴. В то время на Токайдо не было мест, где можно было бы переночевать, и путешественники сами строили себе хижины для ночлега. Есть одно упоминание, как ближе к концу путешествия, в краю Оми (современная префектура Сига), путники смогли остановиться на 4-5 дней «в доме человека по имени Окинага»³⁵, который был, по всей видимости, другом семьи или просто знакомым человеком. Таким образом, в течение 90 дней, с тех пор, когда они вышли из Кадзуса и почти до самой столицы, путники останавливались в хижинах.

Информацию о первых гостиницах для путников можно найти в исследованиях Ёсида Дзюити³⁶. В своей работе об историях путешествий в Японии он пишет, что японская гостиница – *рёкан* – называлась раньше *хатагоя* (旅籠屋). Изначально слово *хатаго* обозначало корзину, в которую клали корм для лошади. Позже этим словом стали называть любые корзинки с едой для путешествия. В

---

³⁴ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 488.

³⁵ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 496.

³⁶ См. Нихонкотэн дзэнсё, 1956. - Стр. 14.

произведениях X века встречаются слова *хатагобуруи* (旅籠振り) или *хатагобурумаи* (旅籠振舞), которыми обозначали пиршества по случаю благополучного возвращения из путешествия. И, наконец, в «Кагэро никки» (蜻蛉日記、《Дневник эфемерной жизни», вторая половина X века) встречаем упоминание *хатагодокоро* (旅籠所), под которым можно подразумевать что-то похожее на гостиницу. Автор дневника Митицуна-но хаха так описывает это место: «На ночлег остановились в местности под названием монастырь Хасидэра. Часов в шесть вечера – в час Птицы – мы сошли на землю и расположились отдыхать, но прежде всего из того строения, которое мы определили как кухню, нам вынесли разрезанную редьку и овощной салат, приправленный апельсиновым соком»³⁷. Переводчик дневника В. Н. Горегляд называет это место «кухней», поскольку оттуда путникам принесли еду, но по сути это место представляло собой прототип японской гостиницы.

С эпохи Камакура, в связи с увеличением путешествующих появляются и полноценные гостиницы (宿), в которых может остановиться любой путник.

Заключение

Упоминание путешествия на восток впервые встречается в «Нихон сёки» в мифе о Ямато-такэру, который отправляется в восточные земли по просьбе отца, чтобы усмирить непокорных айнов. В этом мифе встречается очень много древних названий провинций, благодаря чему мы можем точно проследить маршрут передвижения героя. Кроме того, в этом мифе упоминаются и

---

³⁷ Японские средневековые дневники, 2001. - Стр. 219.

несколько топонимов, названия которых тесно связаны с путешествием Ямато-такэру.

Дороги в древней Японии появились в VIII веке в целях укрепления центральной власти в столице Нара. В столицу привозили налоги, из столицы назначали чиновников на службу. Дороги обеспечивали связь с провинциями и служили объединению земель.

Уже в первом своде законов Тайхорё находим указы о почтовых станциях, почтовых трактах, почтовых лошадях. В том же своде встречаются указы, по которым надлежит производить ремонт и расчистку дорог. В «Уголовном и гражданском праве годов Ёро» есть закон, по которому государственным чиновникам должен предоставляться ночлег на почтовых станциях.

Интерес к восточным землям демонстрирует большое количество стихотворений, посвященных восточным провинциям, в антологии «Манъёсю».

«Исэ моногатари» и «Сарасина никки» являются провозвестниками большого количества литературных произведений о путешествии по дороге Токайдо, которое характерно для японской литературы, начиная с периода Камакура.

Список литературы

На японском языке:

1. 『伊勢物語』、渡辺実著、東京：新潮社、1976.
2. 『古事記』（上）全訳注、次田真幸翻訳、東京：講談社、1977.

3. 『日本研究』第44集、伊東貴之編集、京都：国際日本文化研究センター、2011.
4. 『日本古典全書：「海道記・東関紀行」「十六夜日記」』玉井幸助校注、石田吉貞校注、東京：朝日新聞社、1956.
5. 『日本書紀』（上）、小島憲之 直木孝次郎 西宮一民 藏中進 毛利正守 編、東京：小学館、1997.
6. 『日本旅行史』吉田十一、東京：日本交通学会、1927.
7. 『万葉集』全訳注原文付、中西進 翻訳、東京：講談社、1978.

На английском языке:

1. Robert B. Hall. Tokaido: road and region / The Geographical Review, Vol. XXVII, No.3 / University of Michigan, 1937.

На русском языке:

1. Гора Фудзи: между землей и небом / А. Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2010.
2. История древней Японии: Учебное пособие для вузов / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев – М.: Наталис, 2010.
3. История японской культуры: учеб. пособие для вузов / Под ред. А. Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2011.
4. Исэ моногатари – Повесть из Исэ / Пер., ст. и примеч. Н. И. Конрада. – М.: Наука, 1979.
5. Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-1 и 3-й / Пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова.

- СПб.: ШАР, 1994.
6. Манъёсю. Избранное / Пер. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1987.
  7. Манъёсю – Собрание мириад листьев: В 3-х томах / Пер. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971.
  8. Нихон сёки – Анналы Японии: В 2-х т. / Пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997.
  9. Провинциальное управление в период Нара / Е. Б. Сахарова // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности: Выпуск XVI. – М.: РГГУ, 2008.
  10. Тайхорё - Свод законов: В 2-х т. / Вст. статья, пер. и коммент. К. А. Попова. – М.: Наука, 1985.
  11. Тысяча журавлей – Антология японской классической литературы VIII-XIX вв. / Сост. Т. П. Редько. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
  12. Япония VII-IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация / Симонова-Гудзенко Е. К. – М.: Восток-Запад, 2005.
  13. Японская литература VIII-XVI вв. / В. Н. Горегляд. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2001.
  14. Японские средневековые дневники / Под ред. Н. Баулиной. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001.